

Мухин Олег Николаевич

СПЕЦИФИКА СИСТЕМНОГО КРИЗИСА В НЕЗАПАДНЫХ ОБЩЕСТВАХ В НОВОЕ ВРЕМЯ

В статье рассматриваются отличительные особенности незападного варианта системного кризиса. Автор обращает внимание на его циклический характер, связанный с неисчерпанностью потенциала феодализма. Характерный пример представляет собой Россия последней четверти XVII в., где петровские преобразования, ставшие реакцией на системный кризис, несмотря на устойчивый имидж модернизационных, в первую очередь способствовали укреплению традиционных основ российской государственности: самодержавия, православия и крепостничества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. I. С. 123-125. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**“WE NEED EUROPE FOR SEVERAL DECADES, AND THEN...”:
ON PROBLEM OF PETER’S EUROPEANIZATION SPECIFICITY**

Mukhin Oleg Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tomsk State Pedagogical University
himan1@rambler.ru

The article considers the specificity and nature of borrowing the West European experience by Peter I in the course of transforming activity. The author substantiates the thesis on the combinatorial nature of Peter’s reforms based on cross-cultural synthesis. The origin of the problem of the civilizational self-determination of Russia and the influence of Peter’s reforms on its development are traced, and the ideas of the “anti-Russian” orientation of the latter are criticized.

Key words and phrases: non-Western societies; Russia; Peter I; Europeanization; modernization.

УДК 94(470)–16/18”

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются отличительные особенности незападного варианта системного кризиса. Автор обращает внимание на его циклический характер, связанный с неисчерпанностью потенциала феодализма. Характерный пример представляет собой Россия последней четверти XVII в., где петровские преобразования, ставшие реакцией на системный кризис, несмотря на устойчивый имидж модернизационных, в первую очередь способствовали укреплению традиционных основ российской государственности: самодержавия, православия и крепостничества.

Ключевые слова и фразы: системный кризис; западные общества; Россия; Пётр I; модернизация.

Мухин Олег Николаевич, к.и.н., доцент
Томский государственный педагогический университет
himan1@rambler.ru

СПЕЦИФИКА СИСТЕМНОГО КРИЗИСА В НЕЗАПАДНЫХ ОБЩЕСТВАХ В НОВОЕ ВРЕМЯ©

По устоявшемуся в историографии мнению, Россия в последней четверти XVII в. находилась в состоянии системного кризиса, подразумевающего наличие проблем во всех подсистемах общества: политике, экономике, социальной сфере и культуре.

Интересно, что, несмотря на признаваемое большинством историков историческое отставание России от Западной Европы, при взгляде на XVII в. бросается в глаза определенное ситуативное совпадение: дело в том, что для последней это столетие также было кризисным периодом. Как отмечает французский историк Р. Мунье: «семнадцатый век являлся эпохой кризиса, который затронул человека в целом, во всех сферах его деятельности – экономической, социальной, политической, религиозной, научной и художественной, все его существование на глубочайшем уровне его жизненных сил, его чувствования, его воли» [Цит. по: 1, с. 8]. В хозяйственной жизни он проявился в смене циклов рыночной конъюнктуры – цикл высокой конъюнктуры в XVI в. сменился депрессией в XVII в., в социально-политической области многие европейские страны были охвачены массовыми движениями, в основе которых лежал глубокий кризис существующих в них общественно-политических систем [Там же]. Однако не стоит делать из этого вывод об однозначном типологическом сходстве причин и проявлений кризиса в России и Европе. Прояснить цивилизационные отличия могут некоторые обстоятельства переворота 1689 г., в результате которого царевна Софья была отстранена от власти сторонниками Петра I.

Конфликт Софьи и Петра представляется вполне обычной борьбой группировок элит. Однако если сравнить его, например, со сходными событиями, произошедшими в Англии буквально на год раньше – так называемой Славной революцией 1688 г., в результате которой был смещен Яков II Стюарт и на престол возведен Вильгельм III Оранский, то можно увидеть существенную разницу. Дело в том, что переворот в Англии был подготовлен и осуществлен, прежде всего, представителями буржуазии и «нового дворянства», то есть силами, заинтересованными в развитии капиталистических отношений, помехой которым являлись абсолютистские устремления Стюартов. Основным результатом «революции» стало установление конституционной монархии [3, с. 135-136]. То есть речь шла о выборе дальнейшего пути развития государства и общества. Даже если посчитать некорректным сравнение общественной ситуации в России и одной из самых развитых стран Западной Европы, то весьма похожую ситуацию мы можем обнаружить в Англии за двести лет до Славной революции. Имеется в виду война Алой и Белой Роз (1455-1485 гг.). Уже тогда за победившим Генрихом VII Тюдором стояли джентри и их союзники из торговых слоев, сделавшие ставку на перемены в традиционном укладе.

В России все обстояло иначе. В обеих группировках знати мы видим полный набор слоев российской элиты – родовитой, худородной, служилой (при этом, по наблюдению А. С. Лаврова, лишь столичной ее части) [4, с. 166]. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что те, кто сделал ставку на Петра, выбрали не реформы – на тот момент он представлял собой легитимного наследника традиционной Руси, связанного не столько с зараженными «западной язвой» Нарышкиными, сколько с Алексеем Михайловичем Тишайшим, олицетворявшим консервативные устои. И, напротив, Софья в умах современников во многом ассоциировалась с В. В. Голицыным, ее фаворитом и фактическим правителем государства, который являл собой тип рафинированного западника-либерала, который никогда не был популярен в России.

Несмотря на то, что Пётр уже тогда в какой-то мере отличался прозападными склонностями и некоторыми отклонениями от «нормального» (для православного царя) поведения, структура полей русского общества (в терминологии П. Бурдьё), его менталитет почти с неизбежностью определяли предпочтительность выбора в пользу его кандидатуры. Можно отметить, что неограниченно авторитарные наклонности Петра, хотя и не проявлявшиеся еще в то время в полной мере, были ближе русской ментальности. Здесь просто не было серьезных сил, желавших и способных востребовать иной вариант развития. Это, по-видимому, объясняет и индифферентное отношение дворянства к происходившему: в данном случае ему не предлагали вариантов реального выбора, да и само оно на тот момент не имело собственных четко оформленных политических или идеологических позиций, которые бы отличались от традиционных, олицетворяемых властью. Иной будет ситуация в 1730 г., когда «затейка верховников» вызовет живейший отклик в массах провинциального дворянства, однако характерно, что и в этом случае оно будет защищать именно классический самодержавный путь развития.

К тому же именно старая российская элита острее всего переживала кризис, и пусть подсознательно, не могла не хотеть из него выйти. Для этого им был нужен достойный лидер, причем достойный по двум критериям – по-настоящему самодержавный, в старых традициях (ведь и саму знать, участвовавшую в борьбе, не могло устраивать ее длительное продолжение, особенно когда эта борьба сопровождалась, как в 1682 г., поднятием знатнейших людей государства на стрелецкие копы), и способный к решительным переменам. При этом, возможно, на подсознательном уровне старомосковская знать ждала перемен, может быть, даже реформ, но не модернизационного, а консервативного характера (отсюда и слабое сопротивление первым шагам правления Петра).

Дело в том, что при анализе кризисных явлений в период Нового времени в западных странах необходимо отличать те, что грозили серьезными последствиями для безопасности или даже независимости страны, и те, которые всего лишь мешали ей идти по европейскому пути модернизации (хотя в ситуации тесных и не всегда мирных контактов с европейскими странами те и другие могли быть связаны). В случае России речь идет не о кризисе феодальности, но о сравнительном отставании от передовых стран Запада. Неудивительно, что все возрастающие в течение XVII в. контакты с Европой приводили к желанию российской властной элиты использовать некоторые достижения западной цивилизации для укрепления своих позиций как внутри государства, так и на международной арене.

Системные кризисы, имевшие место в большинстве западных стран в Новое время, могли быть преодолены традиционными методами, если бы не усугублялись тесными контактами с западной цивилизацией, которая на тот момент превосходила их в научно-технической и военной сферах. Как отмечают авторы академического труда, «...страны Востока в XVII-XVIII вв. попали в исторический тупик, который можно назвать «тупиком феодальности». Общество основных стран Востока в этот период никак нельзя назвать «отсталым», «недоразвитым» или «ранним», если изучать его как структуру. Все социальные слои и группы, явления, институты и подсистемы идеально «прилажены» друг к другу и не могут быть разрушены по частям. Но именно поэтому этот строй оказался непреодолимым в исторически реальные сроки. <...> Страны Востока были обречены на страдания, связанные с насильственной ломкой «традиционного строя» и искусственной модернизацией» [2, с. 27].

Думается, эта характеристика в основном приложима и к России. Несмотря на модернизационный потенциал ряда петровских преобразований, царь-реформатор с их помощью упрочивал традиционные основы российской цивилизации: самодержавие, православие и крепостничество. Нельзя забывать, что именно в XVII столетии «крепостное право приобретает общегосударственный характер» [3, с. 113]. Укрепление крепостничества в начале Нового времени, как известно, было свойственно не только России, но и ряду европейских регионов к востоку от Эльбы. Эта тенденция не только не противоречила генезису капитализма, но и являлась своеобразным ответом на его вызов в тех странах, где не созрели общественные силы, способные предложить иной, буржуазный вариант развития.

При этом специфика России, как показывает ее дальнейшая история, по сравнению с мелкими государствами Восточной Германии или Польшей, где имело место «второе издание крепостничества», состояла в наличии значительных стратегических (кстати сказать, до сих пор не исчерпанных) земельных и минеральных ресурсов. Страна вполне могла существовать, сохранив прежнюю ориентацию на экстенсивный способ экономического развития, помноженный на крепостничество (во главе с самодержавием), не только, видимо, не изжившее себя, но, как стало ясно в ходе петровских преобразований и после них, имевшее определенный запас амортизации. Мы сталкиваемся с типичной для западных обществ чертой: начатки модернизационных процессов здесь, как правило, завязаны на стремлении повысить обороноспособность государства, что приводило к необходимости некоторых ограниченных изменений в экономической, социальной, культурной и менее всего в политической и идеологической сферах. То есть в отсутствие реальной внешней угрозы имеющиеся проблемы в экономике могли еще длительное время не замечаться, либо корректироваться во вполне консервативном русле.

Таким образом, при изучении системных кризисов Нового времени в незападных обществах следует помнить, что, в отличие от европейской версии, предполагавшей в качестве результата переход к новому, капиталистическому укладу, они носили циклический характер и могли порождать усеченного характера модернизационные тенденции лишь как побочный эффект, связанный с угрозой агрессии со стороны технически более развитых стран Запада.

Список литературы

1. **Барг М. А.** Великая английская революция в портретах ее деятелей. М.: Мысль, 1991. 397 с.
2. **История Востока:** в 6-ти т. М.: Восточная литература РАН, 2004. Т. 3. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени XVI-XVIII веков. 696 с.
3. **История Европы:** в 8-ми т. М.: Наука, 1994. Т. 4. Европа Нового времени (XVII-XVIII вв.). 509 с.
4. **Лавров А. С.** Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах государства в 1682-1689 гг. М.: Археографический центр, 1999. 298 с.

SPECIFICITY OF SYSTEM CRISIS IN NON-WESTERN SOCIETIES DURING EARLY MODERN PERIOD

Mukhin Oleg Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tomsk State Pedagogical University
himan1@rambler.ru

The article considers the features of the non-Western version of system crisis. The author pays attention to its cyclical nature related to the unexhausted character of feudalism potential. Russia of the last quarter of the XVIIth century was a typical example, where Peter's reorganizations, having become the reaction to system crisis, despite the steady image of modernization ones, primarily contributed to the strengthening of the traditional foundations of the Russian statehood: autocracy, orthodoxy and serfdom.

Key words and phrases: system crisis; non-Western societies; Russia; Peter I; modernization.

УДК 101.1:316

Философские науки

В статье автор рассматривает самодеятельный туризм и его виды как реализацию креативного потенциала психики. По мнению автора, лозунг туриста «мне нужно больше пространства», о котором писал Э. Бауман, объясняется естественной потребностью психики к креативному самовыражению, к поиску новых пространств, в которых творческие потенциалы психики проявляют себя и поддерживаются социальным окружением. Автор приходит к выводу, что в самодеятельном туризме психика достигает по крайней мере следующего: 1) компенсирует возможную внутреннюю неудовлетворенность (внутрипсихическую деструктивную энергию), которая возникает по ходу онтогенеза; 2) расширяет креатив самореализации; 3) предоставляет возможность апробировать себя в деятельности, которая в большинстве своем уже не востребована в повседневном быту, но требует определенного упорства, навыков и умений. Подобная компенсирующая деятельность обеспечивает внутреннюю психическую гармонию и равновесие.

Ключевые слова и фразы: самодеятельный туризм; психика; самореализация; туризм; творческие потенциалы личности; креативное самовыражение.

Некрасов Сергей Андреевич

Запорожский национальный университет, Украина
nektur@mail.ru

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ
В САМОДЕЯТЕЛЬНОМ ТУРИЗМЕ©**

В последнее время в философии все большее место занимает рассмотрение человеческой деятельности через призму закономерной потребности психики в самореализации. Если в начале XX столетия высказывания известного российско-американского социолога П. Сорокина типа: «...общество как предмет изучения социологии дано только там, где дано несколько единиц (индивидов), одаренных психикой и связанных между собой процессами психического взаимодействия» [14, с. 28] – воспринимались настороженно и без должного понимания, то в начале XXI столетия в философской литературе человек и общество рассматриваются преимущественно через призму самореализации психики и психического пространства. Например, в исследованиях украинского философа О. Базалука, а также представителей его научной школы Е. Фатхутдиновой, Д. Свириденко, В. Буряка,